

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'25

doi: 10.26907/2541-7738.2024.5.53-65

ИДИОЛЕКТ ГЕРОЯ ЭПИСТОЛЯРНОГО РОМАНА В ЗЕРКАЛЕ ОЦЕНОЧНОЙ ЛЕКСИКИ: ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА

Н.А. Бонадык

Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, 119034, Россия

Аннотация

В статье дана характеристика идиолектов двух главных героев романа Ф.М. Достоевского «Бедные люди», а также осуществлен анализ трудностей, возникающих при переводе писем одного из героев, Макара Девушкина, на японский язык. Его речь сочетает в себе высокопарные и просторечные обороты, чиновничий жаргон, отличается большим количеством примеров языкового творчества, с одной стороны, и стилистических ошибок – с другой. Предметом исследования стала оценочная лексика, широко представленная в идиолекте Макара Девушкина. В силу того, что оценочная коннотация редко фиксируется в словарях и может приобретаться даже нейтральным словом под влиянием контекста, перевод такой лексики представляет особую сложность. Описаны основные стратегии, которые применяют переводчики для адекватной передачи идиолекта Макара Девушкина на японском языке: подбор окказионального соответствия, опущение и буквальный перевод. Кроме того, приведены факторы, влияющие на выбор переводчиками одной из стратегий.

Ключевые слова: «Бедные люди» Ф.М. Достоевского, эпистолярный роман, опущение, буквальный перевод, идиолект, окказиональное соответствие, основание оценки, стилистическая ошибка, широкий контекст, языковое творчество

Введение

«Бедные люди» (1846) – первый роман Ф.М. Достоевского; он представляет собой переписку двух главных героев – Макара Девушкина и Варвары Добросёловой. Эпистолярная форма произведения позволяет автору не только представить события романа глазами героев, но и создать их детальные речевые портреты. Идиолект каждого из персонажей тесно связан с происхождением, уровнем образования, характером героя, его индивидуальными особенностями.

В рамках настоящей работы рассмотрена проблема перевода оценочной лексики в письмах Макара Девушкина, так как, на наш взгляд, его идиолект представляет особую трудность при передаче на иностранном языке. Под оценкой мы будем понимать модальность, которая «выражает отношение говорящего ко всему, что мыслится как объективное, независимое от субъекта» [1, с. 22–23] по шкале «хорошо – плохо».

Одна из сложностей при переводе оценочной лексики состоит в том, что, с одной стороны, наличие оценочной коннотации далеко не всегда отражается в

словарях, даже если она является устойчивым компонентом значения, а с другой – любое, даже нейтральное, слово может приобретать оценочное значение под влиянием контекста. Таким образом, для распознавания оценочного значения переводчику необходимы высокий уровень владения исходным языком (ИЯ), глубокие познания в культуре страны ИЯ, а также развитое языковое чутье.

Новизна исследования обусловлена малой изученностью аксиологического аспекта перевода в общем и в языковой паре «русский – японский» в частности, а также отсутствием научных работ, которые предлагали бы анализ языковых особенностей рассматриваемых нами переводов романа «Бедные люди» на японский язык. Методологическая база включает общенаучные методы, а также ряд лингвистических – таких как методы дефиниционного, контекстуального анализа, а также компаративного анализа оригинала и перевода.

Были рассмотрены переводческие стратегии, применявшиеся для передачи особенностей идиолекта Макара Девушкина, на материале текста романа Ф.М. Достоевского «Бедные люди», а также двух его переводов на японский язык, осуществленных Нобуюки Китагаки (КТГ) в 1970 г. и Харуко Ясуоки (ЯСК) в 2010 г.¹ В качестве объекта анализа выступали только первые письма М. Девушкина, написанные до прочтения им произведений А.С. Пушкина и Н.В. Гоголя, которые заметно повлияли на его собственный литературный стиль.

Стоит отметить, что переводы произведений Ф.М. Достоевского на японский язык впервые стали появляться еще в конце XIX в., при этом изначально они осуществлялись не с русского языка в силу незнания его переводчиками. Так, в 1892 г. Утида Роан выполнил перевод романа «Преступление и наказание» с английского языка, именно с него началось знакомство японцев с творчеством русского писателя. Первый перевод с русского языка появился в 1902 г. (рассказ «Елка и свадьба», в переводе получивший название 胸算用 [мунадзанъё] «Мысленный расчет»), его выполнил ректор Русской православной семинарии Какусабуро Сэнума, он вышел под редакцией известного писателя того времени Коё Одзаки. В 1904 г. был издан перевод отрывка романа «Бедные люди», озаглавленный «Бедная девушка», над которым работала Каё Сэнума, ученица Коё Одзаки. Однако активно переводить произведения Ф.М. Достоевского в Японии начали только с 1914 г., когда в результате перевода с русского языка были опубликованы на японском языке романы «Униженные и оскорбленные» (перевод Сёму Нобори), «Преступление и наказание» (перевод Хакуё Накамуры), «Идиот» (перевод Масао Ёнэкао), а также ряд коротких рассказов. За 15 лет эпохи Тайсё (1912–1926) на японском языке вышло четыре собрания сочинений Ф.М. Достоевского, в которые вошли переводы как с английского, так и с русского языка. После этого новое собрание сочинений увидело свет только в 1936 г., в нем ряд произведений был переведен повторно. С 1969 по 1971 г. было издано полное собрание сочинений Ф.М. Достоевского, перевод которых целиком выполнил Масао Ёнэкао. В 70-е годы XX в. переводы, которые ранее считались классическими, начинают устаревать, поэтому многие произведения переводились снова. Именно тогда, в 1970 г., появляется рассма-

¹ Цитаты приводятся по второму изданию перевода, опубликованному в 2016 г.

триваемый в настоящей статье перевод романа «Бедные люди», осуществленный Нобуюки Китагаки. В 2006 г. выходит перевод романа «Преступление и наказание» Икуо Камэямы, который становится бестселлером и приводит к резкому росту популярности Ф.М. Достоевского в Японии и появлению новых переводов [2, с. 61]. Неудивительно, что вскоре, в 2010 г., Харуко Ясуока вновь переводит роман «Бедные люди».

Краткая характеристика идиолектов персонажей романа Ф.М. Достоевского «Бедные люди»

Как уже отмечалось выше, объектом исследования является передача при переводе на японский язык особенностей идиолекта Макара Девушкина. При этом более явными и выразительными они становятся благодаря сопоставлению с письмами второго главного персонажа романа, Варвары Добросёловой, – молодой девушки, получившей образование в пансионе и довольно начитанной (так, она советует Девушкину прочитать произведения А.С. Пушкина и Н.В. Гоголя). Критики и исследователи нередко называли художественный образ Вареньки, как и ее эпистолярный стиль, невыразительным, а ее роль в романе сводили к второстепенной. Например, В.Г. Белинский отмечал, что «лицо Вареньки как-то не совсем определено и окончено», а ее письма по уровню художественного мастерства заметно отстают от писем Макара Девушкина [3, с. 555]. Схожей позиции придерживается и В.В. Виноградов, и – более того – он видит в ней не самостоятельного персонажа, а скорее инструмент, который влияет на состояние М. Девушкина и толкает его на те или иные действия [4, с. 163]. Кроме этого, В.В. Виноградов отмечает связь образа Вареньки с сентиментализмом, чем, на его взгляд, и продиктован ее стиль, который может казаться «благообразным», «холодным», «напоминающим ученическое упражнение на заданные темы» [4, с. 165]. Иначе расценивать образ Вареньки предлагает современный исследователь В.И. Буяновская: с ее точки зрения, стиль героини представляет своего рода эталон грамотной, красивой речи, к которому стремится Макар Девушкин [5, с. 156]. На контрасте с этим эталоном особенно отчетливо проявляются все особенности его идиолекта. Речь Вареньки свидетельствует о ее начитанности и образованности, с одной стороны, и об отсутствии литературных амбиций, которые сделали бы ее стиль более индивидуальным, – с другой.

Макар Девушкин – немолодой чиновник, дальний родственник Вареньки, главная радость его жизни состоит в возможности проявлять заботу о ней и изливать ей свои мысли и чувства в письмах. Чувство нежности выражается в проявлении участия («У меня за вас, родная моя, все сердце изныло. Ведь вот, душечка моя, я вот знаю, что у вас теплого салопы нет» (БЛ, с. 16)), признаниях, что все его мысли заняты только ей, и ласковых обращениях («маточка», «ангельчик», «голубчик» и др.). При этом, как отмечает исследователь В.Н. Захаров, чувство это Варенька не разделяет и, скорее, тяготеет вниманием со стороны героя [6, с. 621–622].

Судя по всему, Макар Девушкин малообразован, получил только среднее образование [7, с. 97]. Что касается отношений героя с литературой, в нача-

ле романа он искренне восхищается графоманскими сочинениями своего соседа Ратазьева и видит главную цель литературы в том, чтобы быть красивой и приносить радость. Он «падок на все броское, яркое, экзотичное» [8, с. 75]. М. Девушкин в своих письмах многословен, он же в качестве достоинства прозы Ратазьева отмечает то, что у него «перо такое бойкое и слогу пропасть». Герой Ф.М. Достоевского не лишен литературных амбиций: он делится с Варенькой фантазией об издании своих стихов. При этом к своим способностям он относится очень критически, постоянно сетуя, что у него «слогу нет».

В речи Макара Девушкина много изящных, высокопарных элементов («сияние такое было на сердце», «люди, живущие в заботе и тревожении»), за нагромождением слов не всегда легко уловить смысл написанного, хотя встречаются в его письмах и по-настоящему интересные, творческие обороты, например: «...да и я все такой же; так, каким был, совершенно таким же и остался, – *так чего же тут было на Пегасе-то ездить?* (курсив наш. – Н. Б.)» [8, с. 77] (БЛ, с. 10). В речи М. Девушкина мы также можем наблюдать избыток слов с экспрессивными, диминутивными суффиксами положительной оценки («часочек», «личико», «придумочка», «ходит стороночкой» и др.), что говорит о недостаточном уровне образования героя и сентиментальном складе его характера.

Другая отличительная черта идиолекта Макара Девушкина – вкрапление в его речь «типичных черт канцелярского, разговорно-чиновничьего диалекта» с характерной для него лексикой и синтаксическим строем [4, с. 113].

В речи героя романа Ф.М. Достоевского много повторов, оговорок, уточнений, междометий – он постоянно испытывает на себе чужой неодобрительный взгляд и чувствует необходимость оправдаться; «под этим-то чужим взглядом и корчится речь Девушкина» [9, с. 100]. Ему бывает сложно довести изящно начатую мысль до конца, как будто в какой-то момент он начинает бояться, что его «плетение словес» со стороны выглядит смешно («солнышко светит, птички чирикают, воздух дышит весенними ароматами, и вся природа оживляется – ну, и остальное там все было тоже соответственное (курсив наш. – Н. Б.)» (БЛ, с. 5).

Перечисленные особенности создают особый, индивидуальный стиль писем Макара Девушкина, в котором сочетаются вычурность, продиктованная желанием «писать позатейливее», просторечность и чиновничий жаргон. Как писал в своих дневниках сам Ф.М. Достоевский: «Девушкин иначе и говорить не может. Роман находят растянутым, а в нем слова лишнего нет» [9, с. 98]. При этом отметим, что после знакомства (благодаря участию Вареньки) с произведениями А.С. Пушкина и Н.В. Гоголя Макар Девушкин не только развивается духовно, но и пересматривает свое отношение к литературе. Вместе с этим меняется и его собственный стиль, письма делаются лексически и синтаксически сложнее и разнообразнее. И это – результат осознанной работы героя: «Начал я вам описывать это все, частью, чтобы сердце отвести, а более для того, чтобы вам образец хорошего слога моих сочинений показать» (БЛ, с. 92).

В случае перевода писем Макара Девушкина дополнительной сложностью становятся многословные, но не всегда однозначно понимаемые формулировки, индивидуально-авторские фигуры речи, смешение лексики разной стилистической окраски. Далее рассмотрим, какие стратегии могут применяться для реше-

ния возникающих в подобных случаях переводческих трудностей и чем продиктован их выбор.

При этом под стратегией перевода мы понимаем «результат анализа переводчиком коммуникативной ситуации, в которой осуществляется перевод» [10, с. 31], то есть выбор переводчиком соответствия для передачи оценочного значения, сделанный с учетом идиолекта героя и конкретного контекста.

Поиск окказионального соответствия

Об окказиональных соответствиях можно говорить в случаях, когда та или иная лексическая единица в контексте приобретает несвойственное ей, реализуемое только в данном единичном случае, то есть окказиональное, значение [11, с. 21]. Тогда трудность для переводчика состоит прежде всего в необходимости определить заложенное автором значение, так как оно не закреплено в словарях и не находит отражения в корпусе. Поскольку речь Макара Девушкина изобилует индивидуально-авторскими выражениями и нередко встречаются нетипичные (если не сказать – ошибочные) случаи лексической сочетаемости, переводчикам не раз приходилось применять метод подбора окказионального соответствия.

Табл. 1

Поиск окказионального соответствия

Оригинал	Перевод Нобуюки Китагаки (1970)	Перевод Харуко Ясуоки (2010)
А вот теперь весна, так и мысли всё такие приятные, острые , затейливые, и мечтания приходят нежные; всё в розовом цвете (БЛ, с. 5).	ところでいまはまさに春です、ですから考えもすべてこういう愉快で 奇抜 で、おもしろいものになり、空想もなごやかなものがうかび、あらゆるものがバラ色につつまれて見えるわけです。(КТГ, с. 5).	今は春でしょう、すると頭に浮かぶのは、陽気で楽しくて気の利いた考えばかりだし、空想だって甘く優しいものばかり。すべてが薔薇(ばら)色なんです。(ЯСК, с. 12).

В приведенном контексте интерес представляет перевод сочетания «острые мысли». Нельзя сказать, что это выражение имеет индивидуально-авторский характер: в Национальном корпусе русского языка есть примеры его употребления («И вдруг его, как иглой, кольнула **острая мысль**: “Что, если хозяйка войдет из любопытства в его комнату, начнет рыться там и найдет деньги?”») (М. Горький, «Трое». НКРЯ); «Помнится, Мах в своем “Анализе ощущений” устанавливает понятие о “мнимых проблемах”, и горше всего именно эта **острая мысль**: полжизни ушло на проблему, какую же, не мнимую ли?..» (И.А. Новиков, «Повесть о коричневом яблоке». НКРЯ)). Судя по приведенным примерам, можно сделать вывод, что *острой* называют мысль не очень приятную, которая внезап-

но приходит в голову и не дает человеку покоя. Однако в рассмотренном выше отрывке из романа «Бедные люди» анализируемое словосочетание явно имеет положительную коннотацию. В подобной ситуации оба переводчика вынуждены делать собственные предположения на счет того, что имел в виду под *острой мыслью* Макар Девушкин. Н. Китагаки в качестве окказионального соответствия предлагает слово 奇抜な [кибацуна] – ‘необычный, неожиданный, немыслимый’ (ИКД, с. 352), которое перекликается по смыслу со следующим в оригинальном тексте словом «затейливый» (в переводе оно передано как おもしろい ‘интересный’ (ИКД, с. 201)). Таким образом, Н. Китагаки выбирает для перевода вариант, который не будет вступать в противоречие с контекстом.

В переводе Х. Ясуоки использовано выражение 気の利いた [ки-но киита], что значит ‘ловкий, остроумный’ (ИКД, с. 326). В данном случае переводчица, по всей видимости, провела аналогию между выражениями «острая мысль» и «острый ум». Оба переводчика должны были опираться не столько на словарные данные, сколько на свое языковое чутье и общий смысл высказывания.

Табл. 2.

Поиск окказионального соответствия

Оригинал	Перевод Нобуюки Китагаки (1970)	Перевод Харуко Ясуоки (2010)
Перо такое бойкое и слогу пропасть; то есть этак в каждом слове , – чего-чего, – в самом пустом, вот-вот в самом обыкновенном, подлом слове, что хоть бы и я иногда Фальдони или Терезе сказал, вот и тут у него слог есть (БЛ, с. 48).	じつに筆が立って、言いまわしがじつに豊富なんです。つまり一語一語に、もうそれこそごくありふれた卑俗な言葉にも、あの人のはおのずから格調が出ているんですよ。(КТГ, с. 98).	実に大胆な筆遣いで、スタイルは深遠そのもの。つまり言葉の一つ一つに深い意味があって、どんなにつまらない、もったもありふれた低俗なそれこそどうかすると私がファルドニやテレーザに使うような言葉でさえも、彼が使うとちゃんと立派な文体の文章になるんです。(ЯСК, с. 123).

Приведенный отрывок хорошо демонстрирует, как сбивчиво иногда излагает свои мысли Макар Девушкин. Здесь трудность для перевода представляют выражения «слогу пропасть» и «в каждом слове у него слог есть». Остается не совсем ясным, что именно в прозе писателя Ратазиева (а именно о ней идет речь) приводит героя в восторг, что он подразумевает под *слогом*: многословность, изысканность стиля, изобретательность автора в выборе речевых средств или что-то иное. В данном случае переводчики снова не могут передать речь героя буквально и должны применить прием смыслового развития.

Н. Китагаки, на наш взгляд, в меньшей степени отстает от оригинала, по крайней мере формально. «Слогу пропасть» переводчик передает как «изобилие

выражений»², таким образом сохраняя сему большого количества, но добавляя к ней сему разнообразия. «Этак в каждом слове <...> вот и тут у него слог есть» в переводе Н. Китагаки звучит как «иными словами, в каждом слове сам собой проявляется стиль». Таким образом, переводчик понимает «слог» как «стиль».

Обратимся к переводу Х. Ясуоки. Здесь первое из рассматриваемых выражений передано как «стиль глубокий и содержательный». В данном случае сохраняется только положительный знак оценки, основание же ее меняется. Отметим, что само словосочетание 深遠なスタイル [синэнна сутаиру] ('содержательный стиль') не является типичным для японского языка, по данным Сбалансированного корпуса современного японского языка, 深遠な чаще всего употребляется с такими словами, как 思想 [сисо:] 'идея', 哲学 [тэцугаку] 'философия', 真理 [синри] 'истина' (BCCWJ). Слова 深遠な и スタイル вступают между собой в противоречие: одно говорит о содержании, а другое – о форме изложения. Таким образом, в рассмотренном случае переводчику удастся сохранить специфику идиолекта Макара Девушкина, который не всегда может грамотно и точно сформулировать мысль.

Перейдем к фразе «этак в каждом слове <...> вот и тут у него слог есть». Ее Х. Ясуока переводит так: «...в каждом слове есть глубокий смысл. [Даже слова, которые бы мог сказать и я], когда их использует он, образуют текст с прекрасным стилем». В данном случае «слог» также понимается как «стиль», при этом переводчица снова делает акцент на глубине содержания, которую М. Девушкин видит в текстах Ратаязева. Возможно, Х. Ясуока хочет таким образом подчеркнуть неискренность персонажа, который не может еще отличить серьезную литературу от поверхностной. Это предположение имеет под собой основание, поскольку в дальнейшем, когда он познакомится с творчеством Н.В. Гоголя и А.С. Пушкина, впечатление на героя произведет прежде всего содержание их произведений, а не форма.

Таким образом, оба переводчика подбирали наиболее удачные способы, исходя из контекста и логики, при этом Н. Китагаки стремился менее отходить от оригинала, сохраняя формально заложенные основания оценок, а Х. Ясуока опиралась не только на узкий, но и на широкий контекст, то есть содержание произведения в целом.

Опущение

Под опущением в теории перевода понимается компрессия текста, осуществляемая посредством пропуска в тексте перевода семантически избыточных лексических единиц. Часто к опущениям прибегают в случае, когда из нескольких слов со схожим значением в переводе остается только одно (ТПС, с. 130). В случае с передачей на японский язык писем Макара Девушкина сложность заключается в том, что из-за неоднозначной семантики лексических единиц не всегда легко опознать синонимию. Применяемые переводческие стратегии в таком случае зависят от интерпретации исходного текста переводчиками. Этот тезис хорошо иллюстрируется следующим примером:

² Здесь и далее подстрочный перевод японских вариантов текста выполнен нами. – Н. Б.

Табл. 3.

Опущение

Оригинал	Перевод Нобуюки Китагаки (1970)	Перевод Харуко Ясуоки (2010)
Здоровехонек и растолстел так, что самому опять становится совестно, сыт и доволен по горло ; вот только бы вы-то выздоравливали! (БЛ, с. 18)	ぴんぴんして、自分でも恥ずかしいくらい太ってしまったんです、 腹いっぱい食べて、この上なく満ち足りていますよ。 ただあなたのほうこそ、健康になってもらいたいです！ (КТГ, с. 32)	元気一杯でぴんぴんしていますし、でっぷり太って恥ずかしくなるくらいです。 おなか一杯食べてますからね。 あなたこそ、お元気になってくださいよ。(ЯСК, с. 46).

В приведенном отрывке можно обнаружить пример стилистической ошибки – силлепса: «сыт и доволен по горло». Выражение «сыт по горло» имеет отрицательную коннотацию, однако, по всей видимости, Макар Девушкин, напротив, хочет подчеркнуть, что у него все хорошо и он ни в чем не нуждается. Более того, выражение «доволен по горло» построено с нарушением лексической сочетаемости, здесь возникает противоречие между положительно оценочным словом «доволен» и содержащим негативную коннотацию выражением «по горло», что вызывает комический эффект. В переводе Н. Китагаки силлепс ликвидирован, в результате чего получилась фраза «Я ем досыта и чрезвычайно доволен».

Х. Ясуока при переводе рассуждала иначе: поскольку смысл предложения сводится к тому, что герой ест достаточно, не голодает, слово «доволен» может быть употреблено им просто для усиления этого смысла и не свидетельствует непосредственно о том, что он «доволен жизнью». В связи с этим переводчица опускает это слово и в переводном тексте остается только «я ем досыта».

В рассмотренном случае расхождения в интерпретации переводчиками значения неоднозначного по семантике слова приводят к выбору двух различных стратегий. Тем не менее комический эффект, который возник в оригинальном тексте из-за стилистической ошибки, не сохранен ни в одном из переводов.

Буквальный перевод

Буквальным принято называть перевод, который, воспроизводя коммуникативно нерелевантные элементы оригинала, искажает либо языковые нормы переводящего языка, либо содержание исходного текста [12, с. 116]. В этом заключается его отличие от дословного перевода, который предполагает использование аналогичных синтаксических структур с синонимичным исходному значению. Иными словами, применение стратегии дословного перевода не приводит к нарушению узуса переводящего языка или искажению смысла высказывания [12, с. 163]. Буквальный перевод, напротив, чаще всего указы-

вает на неудачные переводческие решения. Тем не менее в рамках настоящей работы мы выделяем его в качестве одной из переводческих стратегий, допуская, что стратегия может быть выбрана неверно.

Табл. 4.

Буквальный перевод

Оригинал	Перевод Нобуюки Китагаки (1970)	Перевод Харуко Ясуоки (2010)
Всё те же чернильные пятна, всё те же столы и бумаги, да и я всё такой же; так, каким был, совершенно таким же и остался, – так чего же тут было на Пегасе-то ездить? (БЛ, с. 10)	インキのしみも依然とおなじなら、机や書類ももとのまま、そして私自身、前とおなじ私なので、……以前の私とまったくおなじなのです、… …では、あのときなんでもペガサスに乗るような気持ちになったのでしょうか? (КТГ, с. 17)	すべてが灰色にくすんでいるじゃないですか。相も変わらぬインクの染みに、代り映えのしない机に書類。そして私自身も、今までと何ひとつ変わっちゃいないんですから、これでどうしてペガサスに乗って飛んだりできたんでしょう? (ЯСК, с. 25)

В рассмотренном случае мы имеем дело с примером языкового творчества Макара Девушкина. В русском языке существует фразеологизм «оседлать Пегаса» в значении ‘начать писать стихи’, в «Большом толковом словаре русского языка» Д.Н. Ушакова он имеет пометы «книжн. шутл.» (БТСРЯ). На основе этого выражения герой образует свое – «ездить на Пегасе», в данном контексте имеющее явную негативную окраску: герой ругает себя за то, что под влиянием весенней погоды погрузился в грезы и писал Вареньке излишне возвышенно.

Сравним два перевода: вариант Н. Китагаки – «Итак, отчего же у меня тогда появилось такое чувство, будто я еду на Пегасе?» – и вариант Х. Ясуоки – «Почему же тогда я оседлал Пегаса и летал на нем?». Они практически идентичны, оба переводчика перевели метафору Макара Девушкина буквально. При этом у выражения сохраняется отрицательная коннотация, однако искажается значение. Поскольку в японском языке отсутствует аналогичный фразеологизм и ни в одном из переводов фраза не снабжена комментарием, для японского реципиента она представляет собой свободное сочетание, по всей видимости не ассоциирующееся с поэзией или творчеством вообще. Можно предположить, что в данном случае переводчикам не удалось распознать метафору, образованную на основе фразеологизма. Вероятно, они истолковали образ Пегаса как нечто, ассоциирующееся с «воздушным», приподнятым настроением М. Девушкина.

Заключение

Мы рассмотрели такие способы передачи оценочных единиц в речи Макара Девушкина на японский язык, как подбор окказионального соответствия, опущение и буквальный перевод. Окказиональные соответствия подбираются, когда

герой наделяет слова неузуальными значениями или по причине малообразованности, или вследствие стремления выразить свою мысль оригинальным образом. В подобных случаях буквальный перевод невозможен, так как он вызовет у реципиента только недоумение. Переводчикам приходится домысливать, что имел в виду герой, и осуществлять перевод в соответствии со своими предположениями. Случаи опущения объясняются речевой избыточностью Макара Девушкина. К буквальному переводу прибегали тогда, когда исходный образ, созданный героем, мог быть интуитивно на каком-то уровне понятен читателю, пусть и не в полной мере. Кроме того, переводчикам не во всех случаях удалось передать такие особенности идиостиля Макара Девушкина, как стилистические ошибки в его письмах, которые говорят о недостатке у него образования и писательского опыта.

Сравнивая два перевода, мы можем также отметить, что более ранний из них (выполненный Н. Китагаки) точнее следует за буквой оригинала: в нем реже встречаются опущения, сохраняются основания оценок. В более позднем переводе Х. Ясуоки можно обнаружить случаи отхода от оригинального текста под влиянием учета широкого контекста.

Указанные различия между изученными переводами можно объяснить изменениями в переводческой традиции Японии. Дело в том, что в XX в. в среде японских переводчиков велись активные дискуссии о том, что важнее сохранить: букву или смысл оригинала. При этом многие ратовали за приоритет формальной стороны. Так, Хакуё Накамура (один из переводчиков произведений Ф.М. Достоевского) в работе «翻譯文の表現と指導» («Текст письменного перевода: форма и принципы») (1934) отмечает, что в своих переводах стремится сохранять структуру оригинала, в частности распространенные предложения переводить распространенными, а нераспространенные – нераспространенными [13, с. 277]. Подобная парадигма очень долго была главенствующей для художественных переводчиков в Японии, однако в последние десятилетия можно отметить смещение приоритетов в сторону передачи в первую очередь содержания.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники

- БЛ – *Достоевский Ф.М.* Бедные люди: Роман; Двойник: Петербургская поэма. М.: Сов. Россия, 1985. 272 с.
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка. 2003–2023. URL: <https://ruscorpora.ru/>, свободный.
- ТПС – *Нелюбин Л.Л.* Толковый переводоведческий словарь. М.: Флинта: Наука, 2003. 320 с.
- БТСРЯ – *Ушаков Д.Н.* Большой толковый словарь русского языка: современная редакция. URL: <https://ushakovdictionary.ru/>, свободный.
- BCCWJ – The Balanced Corpus of Contemporary Written Japanese. URL: <https://clrd.ninjal.ac.jp/bccwj/en/>, свободный.
- ЯСК – *ドストエフスキー 『貧しき人々』* 第2版、安岡治子訳、光文社、2016. 334 p. = *Достоевский Ф.М.* Бедные люди / Пер. с рус. яз. Х. Ясуоки. 2-е изд. Токио: Кобунся, 2016. 334 с.

КТГ – ドストエフスキー 『貧しき人びと』 北垣信行訳、 旺文社、1970. 289 p. = *Достоевский Ф.М.* Бедные люди / Пер. с рус. яз. Н. Китагаки. Токио: Обунся бунко, 1970. 289 с.

ИКД – 岩波国語辞典. 岩波書店、 第8版、2019. 1804 p. = Словарь японского языка Иванами. 8-е изд. Токио: Издательство Иванами, 2019. 1804 с.

Литература

1. *Телия В.Н.* Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / Отв. ред. А.А. Уфимцева. М.: Наука, 1986. 141 с.
2. コックリル 浩子 1970年代のドストエフスキー翻訳— 三人称代名詞「彼」「彼女」の意味と用法の変化 // 翻訳研究への招待. 2018. 14 卷. P. 55–72. = *Коккериль Х.* Переводы Достоевского на японский язык в 1970-е годы: изменение в значении и употреблении местоимений третьего лица «он» и «она» // Введение в переводоведение. 2018. № 14. С. 55–72.
3. *Белинский В.Г.* Полное собрание сочинений: в 13 т. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1955. Т. 9. Статьи и рецензии 1845–1846. 804 с.
4. *Виноградов В.В.* Поэтика русской литературы: избранные труды. М.: Наука, 1976. 512 с.
5. *Буяновская В.И.* «Бедные люди» Ф.М. Достоевского как диалог старого и нового слова // *Studia Litterarum*. 2018. Т. 3, № 4. С. 152–169. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2018-3-4-152-169>.
6. *Захаров В.Н.* Дебют гения // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: канон. тексты: в авт. орфографии и пунктуации. Петрозаводск: Изд. Петрозаводского ун-та, 1995. Т. 1. С. 609–637.
7. *Барит К.А.* Чиновник 9-го класса Макар Алексеевич Девушкин («Бедные люди» Ф.М. Достоевского. Дополнения к комментарию) // *Новый филологич. вестн.* 2009. № 1 (8). С. 93–115.
8. *Власкин А.П., Петров А.В., Савельев К.Н.* Литературная стихия в художественном мире «Бедных людей» Ф.М. Достоевского // *Изв. Самарского научного центра РАН. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки.* 2018. Т. 20, № 2 (59). С. 74–80.
9. *Бахтин М.М.* Проблемы творчества Достоевского. Обнинск: Алконост, 1994. 176 с.
10. *Сдобников В.В.* Стратегии перевода: заблуждения и реальность // *Вестн. ВГУ. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация.* 2022. № 2. С. 27–34. <https://doi.org/10.17308/lic.2022.2/9287>.
11. *Рецкер Я.И.* Теория перевода и переводческая практика: очерки лингвистической теории перевода / Доп. и коммент. Д.И. Ермоловича. М.: Р. Валент, 2007. 244 с.
12. *Комиссаров В.Н.* Современное переводоведение. М.: Р. Валент, 2011. 408 с.
13. 成田一. 翻訳論の歴史 = *Haruta X.* История теории перевода // *Japio Year Book.* С. 274–279.

Поступила в редакцию 20.02.2024

Принята к публикации 19.04.2024

Бонадык Наталия Александровна, старший преподаватель кафедры восточных языков переводческого факультета

Московский государственный лингвистический университет

ул. Остоженка, д. 38, стр.1, г. Москва, 119034, Россия

E-mail: nat5000@yandex.ru

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2024.5.53-65

**Idiolect of Epistolary Novel’s Character through Evaluative Vocabulary:
Translation Perspective**

N.A. Bonadyk

*Moscow State Linguistic University, Moscow, 119034 Russia*E-mail: nat5000@yandex.ru

Received February 20, 2024; Accepted April 19, 2024

Abstract

This article outlines the challenges of translating the evaluative vocabulary from the letters of Makar Devushkin, one of the main characters of M.F. Dostoevsky’s epistolary novel “Poor Folk”, into Japanese. Evaluative connotations are rarely spanned by dictionaries and can be acquired even by neutral words in specific contexts, thus being difficult to render accurately, as confirmed here by a detailed linguistic analysis of the idiolect of Makar Devushkin in comparison to that of Varvara Dobroselova, another main character of the novel. The writing style of Makar Devushkin was found to be marked by poetic and vernacular expressions, creative language use, clerk slang, stylistic inconsistencies, as well as numerous speech errors, clarifications, and interjections. The key strategies for translating Makar Devushkin’s idiolect into Japanese without losing his evaluative voice were identified: finding a contextual equivalent, omission, and literal translation. The factors determining the choice of the translation strategies were revealed. The findings show that contextual translation is the best option to convey the meaning of Makar Devushkin’s words used in non-standard contexts, altering their meanings in ways that must be guessed from the context. Omission is applied when pleonasm appear in Makar Devushkin’s speech. Literal translation is appropriate when the original expressions are likely to be understood intuitively, at least to some extent, by readers.

Keywords: “Poor Folk” by F. M. Dostoevsky, epistolary novel, omission, literary translation, idiolect, contextual equivalent, base of evaluation, stylistic error, wide context, language creativity.

Conflicts of Interest. The author declares no conflicts of interest.

References

1. Teliya V.N. *Konnotativnyi aspekt semantiki nominativnykh edinit* [Connotative Aspect in the Semantics of Nominative Units]. Ufimtseva A.A. (Ed.). Moscow, Nauka, 1986. 141 p. (In Russian)
2. Cockerill H. Translations of Dostoevsky’s Works into Japanese during the 1970s: A change in the meaning and use of the third-person pronouns “kare” and “kanojo”. *Invitation to Interpreting and Translation Studies*, 2018, no. 14, pp. 55–72. (In Japanese)
3. Belinsky V.G. *Polnoe sobranie sochinenii* [A Collection of Writings]. Vol. 9: Articles and Reviews, 1845–1846. Moscow, Izd. Akad. Nauk SSSR, 1955. 804 p. (In Russian)
4. Vinogradov V.V. *Poetika russkoi literatury* [Poetics of Russian Literature: Selected Writings]. Moscow, Nauka, 1976. 512 p. (In Russian)
5. Buyanovskaya V.I. “Poor Folk” by F.M. Dostoevsky as a dialogue between the old and new words. *Studia Litterarum*, 2018, vol. 3, no. 4, pp. 152–169. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2018-3-4-152-169>. (In Russian)

6. Zaharov V.N. Debut of a Genius. In: Dostoevsky F.M. *Polnoe sobranie sochinenij. Kanonicheskie teksty* [Collection of works. Canonical texts]. Vol. 1. Petrozavodsk, Izd. Petrozavodskogo un-ta, 1995, pp. 609-637. (In Russ.) Zakharov V.N. The debut of a genius. In: Dostoevsky F.M. *Polnoe sobranie sochinenij. Kanonicheskie teksty* [A Collection of Writings. Canonical Texts]. Vol. 1. Petrozavodsk, Izd. Petrozavodsk. Univ., 1995, pp. 609-637. (In Russian)
7. Barsht K.A. Makar Alekseevich Devushkin, the official of the 9th class ("Poor Folk" by F.M. Dostoevsky. Addendum to the Commentary). *Novyi Filologicheskii Vestnik*, 2009, no. 1 (8), pp. 93-115. (In Russian)
8. Vlaskin A.P., Petrov A.V., Savel'ev K.N. The literary element in the fictional world of F.M. Dostoevsky's "Poor Folk". *Izvestiya Samarskogo Nauchnogo Tsentra RAN. Sotsial'nye, Gumanitarnye, Mediko-Biologicheskie Nauki*, 2018, vol. 20, no. 2 (59), pp. 74-80. (In Russian)
9. Bakhtin M.M. *Problemy tvorchestva Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's Oeuvre]. Obninsk, Alkonost, 1994. 176 p. (In Russian)
10. Sdobnikov V.V. Translation strategies: Misperceptions and reality. *Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i Mezhdul'turnaya Kommunikatsiya*, 2022, no. 2, pp. 27-34. <https://doi.org/10.17308/lic.2022.2/9287>. (In Russian)
11. Retsker Ya.I. *Teoriya perevoda i perevodcheskaya praktika. Ocherki lingvisticheskoi teorii perevoda* [Translation Theory and Translation Practice: Essays on Linguistical Translation Theory]. Additions and comments by D.I. Ermolovich. Moscow, R. Valent, 2007. 244 p. (In Russian)
12. Komissarov V.N. *Sovremennoe perevodovedenie* [Modern Translation Studies]. Moscow, R. Valent, 2011. 408 p. (In Russian)
13. Narita H. History of translation theory. *Japio Year Book*, 2018, pp. 274-279. (In Japanese)

Для цитирования: Бонадык Н.А. Идиолект героя эпистолярного романа в зеркале оценочной лексики: проблемы перевода // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2024. Т. 166, кн. 5. С. 53-65. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.5.53-65>.

For citation: Bonadyk N.A. Idiolect of epistolary novel's character through evaluative vocabulary: Translation perspective. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2024, vol. 166, no. 5, pp. 53-65. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.5.53-65>. (In Russian)